

Рональд Григор Суни
Национальный вопрос и распад Советского Союза

Ronald Grigor Suny (University of Michigan, USA)
The national question and the disintegration of the Soviet Union

DOI: 10.31857/S086956870017373-1

С помощью тщательно выверенных количественных данных Б.Н. Миронов демонстрирует, что Коммунистическая партия, по сути, продолжала политику коренизации вплоть до распада Советского Союза. Он утверждает, что, будучи сформированными ленинской национальной политикой, республиканские элиты были заинтересованы в усилении своей власти и постепенно перешли от лояльности советскому проекту к поддержке национальной независимости. Я бы сказал, что первое его утверждение — о национализации элит — бесспорно верно, но второе, — что они были заинтересованы в национальной независимости, — нуждается в уточнении и дополнении.

В своей книге «Месть прошлого: национализм, революция и распад Советского Союза» (1993)¹ я утверждаю, что националистические и сепаратистские устремления лишь частично объясняют распад СССР. Гораздо большее значение имели чрезмерно амбициозная программа реформ М.С. Горбачёва и некомпетентность, с которой она осуществлялась, снижение материального благосостояния населения, развал экономики и нежелание советских лидеров использовать доставшуюся им власть для поддержания порядка и сохранения государства. Вот как я выразился в 1993 г.: «Распад Советского Союза произошёл в результате длительного упадка и поспешной программы радикальных реформ, начатой Горбачёвым... Но эти мощные факторы не обязательно должны были привести к краху системы и распаду Союза. Конечный результат зависел от множества других факторов: одновременное проведение политических и экономических реформ; неспособность (или нежелание) Горбачёва с самого начала использовать власть, которой он обладал, для контроля над оппозицией в партии, обществе и нерусских республиках; решимость многих политических деятелей и особенно русской и нерусской интеллигенции, добиваться более радикальных перемен; и, конечно, судьбоносное решение консервативных коммунистов совершить государственный переворот против Горбачёва»². В 1980-х гг. в СССР не было кризиса, пока его не создала сама верхушка Коммунистической партии. Как только началась перестройка и гласность, власти, которые не имели чёткого представления о том, какую систему они строят, потеряли контроль над страной. В тот момент не только элиты, но и интеллигенция в советских республиках быстро подсчитали, что их жизнь можно улучшить, отделившись от разваливающегося Союза.

Политолог Дж. Хаф изложил этот аргумент более подробно. «Российская революция 1990—1991 гг., — писал он, — была настоящей революцией среднего класса, революцией бюрократов, буржуа, которые управляли средствами производства». Как только правящая элита в СССР потеряла доверие к старой идеологии, она осуществила собственную революцию «сверху». Хаф также отметил, что «когда стало ясно, что приватизация возможна, амбициозные люди,

¹ Suny R.G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

² Ibid. P. 159.

работавшие в государственной и экономической бюрократии, — и интеллектуалы по своей профессии — смогли увидеть, какую выгоду они могут извлечь из революции, которая узаконила частную собственность и частный бизнес»³. Ключом к анализу Хафа были идеи и язык, которые, как ни странно, широко использовались политическими оппонентами, например М.С. Горбачёвым и Б.Н. Ельциным. Потеряв веру в государственный социализм, их сторонники обратились к нынешней городской игре — неолиберальной экономике. Могильщиками системы были высококомобильные дети пролетариата. Демократизация пришла «сверху», не от масс, а как продукт советского промышленного, городского, образовательного и культурного развития. «Революция не была “вызвана” плохими экономическими показателями государства, националистическим давлением со стороны союзных республик, недовольством населения отсутствием свободы и потребительских товаров или усилиями по либерализации диктаторского режима», — отмечал Хаф⁴.

Проблема Советского Союза заключалась не в слабости государства, а в «слабости духа» тех, кто им руководил⁵. Не веря более в марксизм-ленинизм, Горбачёв разрушил те самые институты, которые ему требовались для построения нового, более либерального и демократического государства. Не будучи Авраамом Линкольном или Дэном Сяопином, он создал «революционную ситуацию, вместо того чтобы усмирить зарождающуюся революцию». И, что хуже всего, он, столкнувшись с оппозицией, не пожелал использовать инструменты государственной власти, армию и полицию, позволив Советскому Союзу развалиться, по сути, без борьбы и в тот момент, когда «большая часть населения, до и после, выступала против распада»⁶.

Анализируя провал реформ и демократизации в СССР, Хаф продемонстрировал, как теория социальных наук может освещать события. В этом случае он опирается на влиятельную работу М. Олсона о логике коллективных действий⁷. По мнению Хафа, «Горбачёв отказался использовать силу, достаточную для обеспечения соблюдения советских законов и подавления сепаратизма». Перестройку, таким образом, подорвало «не применение силы, а отказ Горбачёва взять на себя ответственность за её незначительное применение»⁸. С одной стороны, он оказался неспособен создать институты и стимулы для демократической рыночной системы, а с другой — поддерживать порядок с помощью доступных инструментов силы.

Хотя в моей книге 1993 г. есть оттенок сожаления по поводу того, что революция, начатая обычными трудящимися, закончилась деспотизмом, анализ Хафа имеет оттенок трагедии. Но это не трагедия структурной неизбежности или судьбы. Советский Союз не был обречён на распад, а советский народ — на то, чтобы жить при авторитаризме из-за какого-то внутреннего, причудливого национального характера. Это была трагедия сильных мира сего, злоупотребляющих своей властью (что в целом является нормальным способом функционирования политики), трагедия, вызванная элитой, которая воспользовалась возможностью превратить демократические преобразования в самовозвеличи-

³ Hough J.F. Democratization and revolution in the USSR, 1985—1991. Washington, 1997. P. 1.

⁴ Ibid. P. 2.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 60.

⁷ Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups. Cambridge, 1965.

⁸ Ibid. P. 499.

вание власти и собственности. И Хаф, и я считаем, что конъюнктура, приведшая Горбачёва к власти, не обязательно должна была привести к распаду страны. Китайская история авторитарных реформ в направлении государственного капитализма оказалась гораздо более успешной: государство было сохранено, свободы увеличены, быстро развивалась экономика. В то же время Коммунистическая партия Китая жестоко подавила протесты на площади Тяньаньмэнь и с тех пор не ослабила контроль над страной.

Известно циничное выражение, что каждая страна получает то правительство, которого она заслуживает, и эпоха В.В. Путина и Д. Трампа заставляет задуматься над обоснованностью этого утверждения. СССР обладал потенциалом для прогрессивной, либеральной эволюции, но когда центр дрогнул, интересы многочисленных действующих лиц разрушили систему и Союз. Простые люди уходили с улиц, шли на работу и заботились о своих семьях. Те же, кому повезло или кто был достаточно продажен, чтобы работать с государством Ельцина, обогащались и продвигали новый авторитаризм.